

— Всё-таки в дне три приёма пищи.

—

Главный зал был почти полон. Цзян Синчжи выбрал место в углу поближе к стене, с несколькими соседями за общим столом, в том числе и культиватора стадии Сгущения Ци.

Раз уж он хотел узнать о секте Коу Юэ, то лучше всего было спросить у того, кто живёт в этом мире.

Как только они сели, подошёл слуга с меню. Цзян Синчжи склонился над ним и начал лихорадочно заказывать, пока Чжун Мин не напомнил:

— Хватит. Уже слишком много.

— Я всё съем, — возразил Цзян Синчжи.

— Не поместится. — Возразил Чжун Мин, поглядывая на стол.

Цзян Синчжи: ...

Он никогда не думал, что если бедность его не ограничивала, то обычный деревянный стол окажется сильнее.

Стол был общий. Люди напротив, услышав разговор, переглянулись. Всем им было лет под сорок, в аккуратных коротких халатах. Культиватор по имени Тин У первым улыбнулся и отодвинул свои тарелки:

— Ничего страшного.

— Если не против, будем делить блюда, когда принесут. — Поблагодарил Цзян Синчжи.

Те рассмеялись, стали общаться свободно. Разговор быстро завязался. Оказалось, что все они служат у одного из знатных родов. А Тин У - страж, достигший стадии Сгущения Ци.

Им сегодня предстояло нести ночную вахту, вот и решили перед этим хорошо поесть.

Как раз подали еду. Цзян Синчжи взял палочками говядину с сушёным тофу и спросил:

— Почему вдруг ночная вахта?

Тин У тяжело вздохнул:

— Ах... трёх культиваторов клана атаковали. Теперь все силы брошены на поиски преступника!

—

Цзян Синчжи и Чжун Мин одновременно опустили палочки.

— Что случилось? — удивился Тин У.

Цзян Синчжи быстро пришёл в себя, продолжая жевать:

— Как такое может произойти при свете дня?

Чжун Мин молча поднял чашку, сделал глоток тёплого чая.

— Вот именно! — озабоченно воскликнул Тин У. — Эти трое до сих пор не пришли в себя. Ни следа, ни улики. Глава семьи приказал найти виновных во что бы то ни стало, но мы даже не знаем, с чего начинать.

— Эй, — кто-то рядом толкнул его локтем, давая понять, что бы тот заткнулся.

Тин У осёкся.

Цзян Синчжи задумался, затем мягко спросил:

— Вы ведь друзья семьи Шан?

Тин У и его товарищ переглянулись, неуверенно кивнули.

— Догадываюсь, — сказал Цзян Синчжи, — семья Шан получила приглашение на пир секты Коу Юэ?

На лицах собеседников мелькнуло удивление. Ясно: откуда он знает?

Цзян Синчжи мысленно отметил, что его догадка верна. И плавно перевёл разговор:

— Приближается пир Коу Юэ... Почему же именно сейчас нападают на тех, кого пригласили?

Тин У и остальные нахмурились, задумавшись.

Чжун Мин молчал, опустив глаза. Но внутри усмехнулся. Он слушал, как Цзян Синчжи мастерски превращает «ограбление» в «засаду», а потом насильно связывает это с банкетом секты Коу Юэ.

Видя, что те молчат, Цзян Синчжи мягко подтолкнул их дальше:

— Если чужак хочет пробраться в Коу Юэ вместе с семьёй Шан... разве это не подарок судьбы?

— Бах! — Тин У хлопнул по столу, будто проснувшись ото сна.

Цзян Синчжи понизил голос, подняв глаза улыбнулся:

— Более того... вы уверены, что трое «спасённых» - действительно те, за кого себя выдают?

Слова повисли в воздухе. Пламя свечи на столе вдруг дрогнуло. Тени пробежали по его глубокому, словно бездонные колодцы янтарным глазам. Даже Чжун Мин, лишь краем взглянув, почувствовал, как по коже пробежал холодок. А Тин У и остальные, сидящие напротив, замерли, волосы на затылках встали дыбом.

— Е-если не они... то кто тогда?! — запнулся Тин У.

— Враги, — спокойно ответил Цзян Синчжи. — Враги секты Коу Юэ.

Чжун Мин: ...

История звучала убедительно.

Если бы он сам не знал, кто на самом деле напал на тех троих, то возможно, поверил бы.

Лицо Тин У помрачнело. Он уже полностью уверовал в сказанное, спасовав перед непоколебимой логикой.

Цзян Синчжи вовремя придвинул блюда к тем, кто сидел напротив:

— Если это не секрет, то расскажите мне больше о секте Коу Юэ, вдруг я помогу разобраться.

За время ужина они узнали почти всё, что нужно было знать о секте Коу Юэ.

Тин У и его спутники были искренне благодарны Цзян Синчжи за помощь. Хотели оплатить его трапезу, но он вежливо отказался:

— Это мелочь, не стоит упоминать. Подарил розу другому и сам остался с ароматом на пальцах. Встреча с вами - судьба, помощь - долг каждого...

[Примечание: «Подарил розу другому — и сам остался с ароматом на пальцах» — старинная поговорка. Говорит о том, что доброта приносит пользу не только тому, кому помогают, но и самому добряку.]

Чжун Мин слушал эти напыщенные фразы, внутренне усмехаясь. Он понял, что Цзян Синчжи нарочно подбирает такие слова, чтобы те люди могли потом оправдать себя, когда раскроется правда. Когда поймут, что их использовали. Чтобы им было легче жить с этим.

Исчерпав весь свой запас изящных выражений, Цзян Синчжи наконец замолчал, попрощался с новыми знакомыми и направился обратно к лестнице.

Гул зала остался позади. Тихая, тёплая, как дыхание ночи полутьма на лестнице казалась почти священной.

Цзян Синчжи с удовлетворением вздохнул:

— Сегодняшний вечер был весьма плодотворным.

Чжун Мин бросил взгляд на руку, лежащую у него на животе:

— Да, уж точно, стол был завален едой.

Цзян Синчжи смущенно слегка опустил голову:

—

Они молча поднимались по ступеням.

И вдруг крепкие пальцы схватили тонкую руку.

Чжун Мин остановился, перегородив подъем.

— Почему даже после еды, ты все еще такой холодный? — Хмурясь проговорил он, удерживая того за запястье.

Цзян Синчжи мысленно усмехнулся. Холод его повреждённой души не согреет никакая еда.

— От рождения такой. — Вслух ответил он.

Рука отпустила его. Чжун Мин тяжело вздохнул и развернулся:

— Ты иди вперёд.

— Господин, — окликнул его Цзян Синчжи, но тот уже исчез за поворотом лестницы.

Он вернулся в комнату один.

Дверь скрипнула — кри-ик...

Энергия коснулась фитиля свечи. Огонёк вспыхнул, осветив полумрак.

За окном стояла глубокая ночь. Луна висела высокой в небе. Цзян Синчжи закрыл полуоткрытое резное окно. В комнате остался только тёплый оранжевый свет, создавая уют, покой и идеальные условия для сна.

Он снял верхний халат, поднял руку и повесил на деревянную подставку у изголовья. На теле остался лишь тонкий белоснежный нижний наряд. Длинная шея терялась в воротах, сквозь ткань проступали плавные линии тела.

В свете свечи он казался словно выточенным из тёплого, переливающегося живого нефрита.

Закончив вешать одежду, Цзян Синчжи вдруг почувствовал чей-то взгляд и обернулся.

Прислонившись к косяку, у двери стоял человек.

Холодный, строгий профиль был непроницаем. Руки скрещены, в глазах подобных дну глубокого пруда, стояло странное притяжение.

Он молча наблюдал, неизвестно сколько времени.

Цзян Синчжи замер под этим взглядом.

Сердце в вдруг пропустило удар. Он очнулся, и отводя взгляд, потёр грудь:

— Господин... вы пришли меня убить?

— Привычка. — Тихо рассмеявшись, бесшумно зашел Чжун Мин, закрывая за собой дверь.

Поставив на стол свежезаваренный чай, он бросил что-то прямо в руки Цзян Синчжи:

— Держи.

Ладони сразу почувствовали тепло.

Это был высококачественный магический инструмент, накапливающий духовную энергию и преобразующий её в тепло через формационные массивы. Тепло растеклось по рукам, проникло в конечности, в тело.

Он несколько раз посмотрел на Чжун Мина:

— Вы специально принесли это... чтобы согреть мне руки?

— А для чего ещё? Для красоты смотреть?

Цзян Синчжи улыбнулся:

— Спасибо, брат Бай.

Чжун Мин бросил на него взгляд. Только что - «господин», и вдруг — «брат Бай».

Но Цзян Синчжи переходил между обращениями с поразительной гладкостью. Он сделал глоток горячего чая, затем устроился на кровати, прижав к себе магический предмет, завернулся в мягкое покрывало, глаза прищурились от удовольствия.

— Ты заинтересован в секте Коу Юэ. — Услышал он, удобно устроившись на кровати.

— Говорят, появилось благословенное существо. — Лениво ответил он, закрывая глаза — Хочу расширить кругозор.

На самом деле он знал, что это, скорее всего, Огненный Дракон. И гадал - нет ли связи между ним и его собственным перерождением?

Сначала он направлялся к дракону. Но после слов Тин У понял, понял что секта Коу Юэ тоже не так проста.

Благодаря разговору с Тин У и его спутниками Цзян Синчжи удалось собрать достаточно обрывочной, но в целом ясной информации о секте Коу Юэ. Хотя рассказы местных были разрозненными и порой противоречивыми, из них можно было выделить несколько важных моментов. В последние годы внутри секты шли скрытые, но глубокие распри - старшие мастера расходились во взглядах на будущее, младшее поколение рвалось к переменам, а влияние Коу Юэ постепенно слабело под давлением новых талантов, появлявшихся повсюду в Трёх Мирах. Секта, некогда бывшая одной из опор порядка, теперь ощущала, как её величие ступенькается перед лицом времени. Именно поэтому появление благословенного существа, которое многие связывали с легендарным Огненным Драконом, стало для Коу Юэ не просто знаком небес, а возможностью переломить ход упадка, восстановить былую славу и вновь занять достойное место среди могущественных кланов. Пир, приуроченный к этому событию, должен был состояться через два дня. На нём соберутся представители многих сильных фракций, и каждый будет следить за тем, сумеет ли секта использовать этот шанс или окончательно погрузится в тень забвения.

Чжун Мин, внимательно выслушав всё, что узнал Цзян Синчжи, задал короткий, но пронзительный вопрос:

— Как ты собираешься пробраться внутрь?

Цзян Синчжи, до этого лениво прищуренный, вдруг распахнул глаза, словно от удивления, и бросил на него строгий, почти обиженный взгляд.

— Что значит «пробраться»? — произнёс он с нарочитой медлительностью. — Я всегда действовал честно, по правилам, с чистой совестью. Мои поступки выдерживают свет самых строгих судей.

Он говорил это с таким достоинством, будто только что не мастерски внул трём простодушным людям, что их товарищи могут оказаться замаскированными врагами, готовящими переворот. Чжун Мин, услышавший весь этот красноречивый монолог в зале, лишь молча смотрел на него, его длинные пальцы в задумчивости постукивали по поверхности стола, как метроном, отмеряющий время между ложью и правдой.

Но Цзян Синчжи не обращал внимания на эту тишину. Он с довольным вздохом натянул одеяло повыше, полулёжа откинулся на спинку кровати, достал из своей сумки-хранителя потрёпанную книгу с народными сказаниями и углубился в чтение, едва сдерживая улыбку.

— Завтра появятся новости, — пробормотал он, будто самому себе. — А пока пусть думают.

Чжун Мин не отводил от него взгляда. В свете свечи белоснежная рубашка Цзян Синчжи делала его кожу похожей на полированный нефрит, а мягкие тени, брошенные на шёлковый занавес кровати, придавали комнате ощущение уединённого покоя, будто они находились в

мире, отделённом от всего остального. Казалось, даже воздух здесь стал гуще, наполненный чем-то невысказанным.

Свеча вдруг потрескивала, выбросив искру вверх. За окном стояла тишина ночи.

Цзян Синчжи читал недолго. Через некоторое время он почувствовал, что тишина стала слишком плотной, почти осязаемой. Подняв глаза он увидел, что Чжун Мин стоит у края комнаты и не моргая и не двигаясь смотрит на него.... И, судя по выражению лица, смотрит уже давно, так, будто пытается запомнить черты, чтобы потом видеть их в темноте.

— Господин, — тихо окликнул он.

Чжун Мин вздрогнул, как будто очнувшись от долгого сна. Взгляд вернулся в настоящее.

— О чём задумались? — спросил Цзян Синчжи, приподнимая бровь.

Чжун Мин чуть отвёл глаза, будто стыдясь того, что его поймали на созерцании.

— Этот вид... — произнёс он тихо. — Напомнил кое-что. Пробудил воспоминания.

Цзян Синчжи внезапно понял. Его лицо стало серьёзным.

— А, — сказал он. — Ваша кровная вражда.

Он бросил быстрый взгляд на руки Чжун Мина, проверяя, не сжались ли они в кулаки, не выдала ли плоть то, что душа старалась скрыть.

— Когда вспоминаете, — продолжил он мягко, почти насмешливо, — глаза у вас краснеют от ненависти? Тело дрожит? Кулаки сжимаются до хруста костей? Зубы скрипят, будто хотите раздавить воспоминание?

Долгая пауза повисла в воздухе. Чжун Мин смотрел на него. Долго. Потом вдруг опустил глаза и улыбнулся. Не горько. Не язвительно. Улыбнулся с какой-то странной, тёплой грустью. Подошёл ближе, остановился у самого изголовья кровати.

— Да, — сказал он. — Иногда.

Его голос стал тише, будто он говорил не вслух, а про себя.

Гром небесного испытания до сих пор эхом звучит в моём сознании. Каждый раз, когда вижу свет, как сейчас, вспоминаю тот день. Вспоминаю тебя.

— И тогда я ворочаюсь с боку на бок, не в силах заснуть всю ночь.

<http://bllate.org/book/15487/1373244>